

Константин Шабалдин

**Старик,
романтика
и марсиане**

Сборник рассказов

Константин Шабалдин

**Старик, романтика
и марсиане. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Шабалдин К.

Старик, романтика и марсиане. Сборник рассказов /
К. Шабалдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903438-0

Рассказы о космосе, будущем, прошлом и настоящем. Я играл с ним в шахматы. Но только до тех пор, пока он не начинал рассуждать о Содружестве. Такая у нас была договорённость, о которой он постоянно забывал и начинал свои проповеди, отвлекаясь от партии. Тогда я сметал фигуры с доски, останавливал часы и выталкивал Старика на марсианский холод. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903438-0

© Шабалдин К.
© Издательские решения

Содержание

Старик, романтика и марсиане	6
Кимберлитовая кикимора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Старик, романтика и марсиане

Сборник рассказов

Константин Шабалдин

© Константин Шабалдин, 2024

ISBN 978-5-4490-3438-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старик, романтика и марсиане

*Прощай романтика – забрызган кровью белый бант.
И губы бантиком – друзья пропили мой талант.
Отбрось сомнения – мы переплавим сталь в руду.
Есть ощущение, что всё летит в звезду.*

Андрей Карунос

– Послушали б вы его нелепую и зловредную болтовню! «Каждая станция должна быть как бы маяком на пути, который ведет к прогрессу; это не только центр торговли, но и центр гуманности, усовершенствования, просвещения». Представляете себе – какой осел! И он хочет быть начальником!

Джозеф Конрад, «Сердце тьмы»

Я играл с ним в шахматы. Но только до тех пор, пока он не начинал рассуждать о Содружестве. Такая у нас была договорённость, о которой он постоянно забывал и начинал свои проповеди, отвлекаясь от партии. Тогда я сметал фигуры с доски, останавливал часы и вытаскивал Старика на марсианский холод. Это шло ему на пользу, он успокаивался и через какое-то время снова скрёбся в дверь кессона. Я впускал его, мы пили чай с джемом, намазывали батон сливочным маслом, грызли карамель и шумно отдувались. И Старик начинал рассказывать о марсианах.

– Хрен знает, сколько миллионов лет накопления информации, – говорил он. – Ясен пень, они устали. Им ничего не интересно.

– Скажешь тоже – миллионов, – подначивал я Старика, зная, что он заведётся.

– А сколько, по—твоему?! – сразу шёл в атаку Старик. – Вот говори – сумели ваши супер-пупер генетики определить возраст их популяции?

– Насколько мне известно, супер-пупер генетики круто обломались. Но ведь у них очень мало фактического материала, марсиане крайне неохотно идут на контакт, – я отмечал про себя, что он уже говорит «ваши», а не «наши», но тогда меня это не настораживало.

– Кто тебе это сказал?

– Ну, это официальная точка зрения.

Старик гулко смеялся и переходил на менторский тон.

– Понимаешь, «крайне неохотно идут на контакт» несколько не соответствует действительности. Они попросту игнорируют поисковые группы. Всех этих экзопсихологов, сапиен-сологов и прочих контактёров. Они попросту не обращают на них внимания.

Я важно кивал, соглашаясь, хотя знал, что сам он и был когда-то таким «контактёром». Его экспедиция стала первой, кому повезло не только обследовать верхние карстовые полости, но и пообщаться с марсианами. Пообщаться... Это конечно громко сказано. Величаво-медлительные, без признаков мимики на красивых лицах, прекрасно сложенные анатомически, высокие, изящно-утончённые марсиане оказались крайне замкнутыми ребятами. Без признаков технологий. Голые. Без огня, жилищ, инструментов. Без выявленной социальной структуры. Лениво поедающие фиолетовый мох, сплошняком покрывающий стены пещер, в которых паслись и лениво совокуплялись марсиане. Возникло сомнение в их разумности, но именно Старик установил подобие контакта и даже сумел составить примитивный англо-марсианский словарь. Но потом его группа бесследно исчезла, а сам он поселился среди марсиан. Иногда

приходил ко мне пить чай, играть в шахматы и рассуждать о необходимости Содружества. И всем было плевать. Его считали чокнутым.

– Ты постоянно призываешь к содружеству с марсианами, к сотрудничеству, – говорил я Старiku. – Но ведь они сами нас избегают.

– Надо их заинтересовать!

– Но ведь ты уже два года живёшь среди них, а до сих пор ни разу не привёл ко мне в гости марсианина, – шутил я.

– Они привязаны к области карста, только там давление и состав атмосферы позволяют не загнуться от холода и удушья, – на полном серьёзе оправдывался Старик.

И разговор снова ходил по кругу и я уже жалел, что опять поддался на провокацию и свернул на излюбленную Стариком тему.

Самое поразительное, что ни открытие марсианского карста, ни обнаружение марсиан не стало на Земле сенсацией. Точно так же как марсианам было наплевать на землян, землянам было наплевать на неожиданно обретенных братьев по разуму. На Земле хватало своих проблем. Сырьевой кризис, истощение ресурсов, амбиции политиков и равнодушие электората. Голод и эпидемии. Всё катилось в пропасть, и начало большой войны становилось вопросом времени.

– Марсиане могут быть весьма нам полезны, – утверждал Старик. – У них, безусловно, уникальный опыт выживания. Но я не знаю, как ещё можно аргументировать необходимость новых экспедиций. Никто не хочет рисковать.

– А что случилось с твоей группой? – в сотый раз спрашивал я. – Как они пропали?

– Они стали марсианами! – сразу начинал заговариваться Старик. – Им очень хорошо. Я хочу, чтобы всем было хорошо. Необходимо содружество. Марсиане хорошие.

Он ими восхищался и я чувствовал, что он совершенно искренен в своём восхищении. Я вообще очень хорошо чувствовал.

Марсиане. Удивительные существа, преисполненные достоинства и благородства, безусловно, разумные и, безусловно, со своей таинственной культурой, которую или они скрывали от нас, или мы не могли разглядеть очевидного. Мы были слишком заняты своей работой, готовились к массовой экспансии с Земли, а они жили в занятой природной нише и в ус не дули. Пожалуй, я был единственным человеком по-настоящему интересующийся марсианами. Нет! Был ещё Орсон Херст. Инженер по технике безопасности. Видали мы таких инженеров, особист он и есть особист.

– Ты не понимаешь! – восклицал Херст, когда заходил ко мне за сводкой погоды. – С Землей покончено. Не сегодня так завтра они сожгут планету, к этому давно идёт. Самое страшное, что на психологическом уровне все давно уже к этому готовы. У меня друг работает в Бюро, он давал мне почитать отчёты социологов. Это чудовищно. В социуме доминирует желание со всей дури гульнуть напоследок, а там будь, что будет.

Я не был настроен так пессимистически, но спорить с Херстом было себе дороже. Записет ещё в неблагонадёжные, доказывай после, что ты не каинитский фундаменталист. Тем более что кое в чём он был определённо прав. Народ с Земли бежал. Инициировались самые безнадёжные космические проекты, росли города на Луне, на орбите сотнями монтировались

гигантские станции. Лишь бы оказаться подальше от планеты, когда грянет большой барабум. Но я верил в лучшее. Возможно потому, что сам уже давно находился на Марсе.

– Западно-Европейский Союз и Единый Континентальный Блок спят и видят, как бы оттяпать кусок пожирнее у Морской Федерации, а за всем этим наблюдают торгаши из Организации Коммерческих Сообщений, которые уже сгрузили барахло на свои космические яхты и ждут, чтоб напоследок сорвать куш и драпать с горящей планеты. Вот увидишь – если они не развяжут в ближайшее время глобальную войну, то из какой-нибудь секретной лаборатории как бы случайно вырвется особо мерзкая инфекционная зараза и начнётся пандемия.

Я подумал, что где-то уже это слышал и вспомнил: «Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по заградотрядам, но они, надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимоистреблением – Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в задницу Лиге»...

Херст психовал, и его можно было понять – под Куполом творилось неладное. Многие жаловались на галлюцинации, за последний месяц произошло два случая белой горячки, а у рудокопов покончил с собой прораб. Ни с того ни с сего спрыгнул в карьер. При свидетелях. И не важно, что притяжение вполовину меньше, чем на Земле – высота триста метров, хватило, чтобы разогнаться. А ещё были пьянки, драки из-за стриптизёрш в баре и воровство в раздевалках.

Всё это мешало работать, выполнять план. Это давало почву для сплетен и пересудов. Но штатные медики как дважды два объясняли всё нервным напряжением из-за тревожных событий в метрополии, а также неверным использованием дыхательных смесей в скафандрах. Только вот галлюцинации случались и под Куполом, где в скафандрах никто не ходил.

Меня это мало касалось, пока над Куполом не нависла угроза голода. На Земле видно решили, что мы и сами в состоянии о себе позаботиться и очередной транспортный борт с продовольствием попросту не пришёл. И тогда Херст решил, что мне надо сходить к марсианам.

Они пришли с начальником Купола и с начальником медицинской службы и втроём принялись усердно ездить мне по ушам.

– Неужели всё так серьёзно? – спросил я.

– Более чем, – раздражённо ответил Херст.

– Но почему я?

– Мы думаем, вы сможете договориться с марсианами, – сказал начальник Купола. – Нам надо понять, что они едят и чем они дышат. Как выживают при таком холоде.

– Мох они едят! Фиолетовый. Это давно известно.

– Запасы. Возможность культивировать в условиях Купола. Химический состав. Метаболизм. Это всё надо выяснить. Как вариант – возможно ли переселение колонии в марсианский карст?

– Да, но я-то тут при чём?

– Не притворяйтесь, – сказал медик. – Я же читал вашу карту. Вы эмпат. Причём патологический эмпат. Таких как вы рождается один на десятки миллионов. Вы мутант, батенька. Поэтому и сбежали с Земли, поэтому и выбрали специальность, которая позволяет вам как можно меньше общаться с людьми.

– Ты сможешь их понять, – сказал Херст. – Или они тебя. Ведь не случайно именно к тебе ходит этот малахольный.

– Старик? Вообще-то он только этого и добивается, чтобы мы установили контакт с марсианами.

– Ну, вот идите и устанавливайте, – сказал медик.

– Какого чёрта? – я вскочил и попытался ходить из угла в угол, но при таком количестве гостей в тесноте метеорубки это оказалось затруднительно. Я снова сел и сказал:

– Этим должны заниматься специалисты. Там уже одна экспедиция сгинула, я не хочу.

– Думаешь отсидеться в своей конуре? – Херст ударил кулаком по подоконнику и горшок с кактусом подпрыгнул. Между прочим, это был единственный кактус на Марсе. – Две тысячи человек находятся на краю гибели! Кому нужны теперь твои метеопрогнозы?

А начальник Купола устало потёр лицо ладонью и сказал:

– Сегодня я распорядился урезать нормы выдачи на пунктах питания. И это лишь начало. Мы не сможем существовать автономно. Нам нужны реактивы, запчасти, удобрения. Горючее. Если Земля прекратит снабжение, а она, судя по всему, его прекратит, мы продержимся от силы полгода. Речь идёт о выживании.

– Не пойду, – сказал я. – Это не входит в мои служебные обязанности. Я метеоролог, а не Христофор Колумб, не Магеллан и даже не Афанасий Никитин.

– Кто такой Афанасий Никитин? – подозрительно спросил Херст.

– Бросьте капризничать, – сказал тогда медик. – С такой степенью джуэйнизма как у вас, мне очень легко будет объявить вас профнепригодным. И отправят вас на Землю. И что вы там будете делать?

А начальник Купола спросил:

– Неужели вам самому не хочется? Это же так интересно. Мы дадим вам всё необходимое. И хорошие премиальные.

Хотелось ли мне? Ещё как хотелось. Увидеть марсиан, общаться с ними, потрогать фиолетовый мох... Но я боялся. Я очень боялся. Я уже тогда чувствовал, что это всё плохо кончится. Но начальник Купола сказал:

– Собирайтесь и идите спасать людей. Так уж вышло, что теперь люди зависят от марсиан. И от вас. И у вас нет выбора.

А Херст добавил:

– Ты оружие с собой не бери. Не годится послу с оружием. Возьми на всякий случай промышленный огнемёт, которым забойщики грунт сушат.

И я дождался Старика и отправился с ним к марсианам. Вот такой дурак я был.

Старик светился от счастья. Он ёрзал на сиденье краулера и всё пытался мне рассказать, как следует правильно себя вести при встрече с марсианами, но у него плохо получалось.

– Как они приветствуют друг друга? – спрашивал я.

– Приветствуют? А-ха-ха, – покатывался Старик. – Вот ты насмешил. На кой хрен им друг друга приветствовать? Скажешь тоже.

– Ну, как-то же они выражают эмоции? Доброжелательность, например. Жесты какие-то есть? Слова?

– Слова есть. Мало. Ими почти не пользуются. Незачем им. И эмоции тоже. Им же проявлять их, смысла нет.

- Почему? – удивился я.
- Им и так хорошо.

Я ничего не понимал из его объяснений, как и раньше он говорил только ему понятными намёками, хихикал и кхекал. И тогда я впервые заподозрил, что Старик не так безумен, как пытается показать и всё это время преследует какую-то свою определённую цель. И тут меня накрыло галлюцинацией. Или это был мираж? Или бред от неверного использования дыхательных смесей в скафандре?

Сначала я услышал музыку. Играл симфонический оркестр, что-то из Моцарта. А прямо по курсу метались огромные полупрозрачные фигуры балерин. Их было очень много. Они подпрыгивали до звёзд и плавно опускались на песчаные дюны. И снова взлетали и их пачки напоминали гигантские дирижабли, а пуанты продавливали в песке следы полуметровой глубины. Я узнал этих балерин. Это были стриптизёрши из бара. Но увеличенные раз в десять. «И это всё мне?» – подумал я. Потом видение исчезло, музыка стихла, и я сосредоточенно тянул рычаги краулера, объезжая микрократеры. Рядом со мной хихикал Старик и я не понимал, что здесь делаю.

А перед нами по-прежнему тянулись пески Марса, бескрайние дюны в тусклом свете далёкого Солнца. И я знал, что такой пейзаж будет сопровождать нас до самого карста, и когда войдём туда, ничего не изменится, как не менялось миллиарды лет со дня сотворения этой убогой планеты. Какой фантаст придумал, будто бы Марс красный? Он серый, как дохлая мышь. Здесь нельзя жить. Жить надо на Земле. Там зелёная трава и ласковое Солнце и много девушек в обтягивающих джинсах. Но я эмпат, мне противопоказано находиться среди людей. Я слишком хорошо их чувствую.

Остановив краулер возле карстового провала, я выбрался наружу, неловко цепляясь скафандром. А Старик обходился без скафандра. Меня это и раньше поражало, но на все мои расспросы он лишь бормотал: «Тут недалеко, ничего, мох надо больше кушать...». И что поразительно, это казалось в порядке вещей и ни одному долбанному медику под Куполом не пришлось в голову, хотя бы взять у него элементарный анализ крови.

- Я привязал верёвку к стойке краулера и Старик удивлённо спросил:
- Зачем это?
 - Возвращаться удобней будет, – ответил я.
 - Возвращаться! – он даже согнулся от хохота. – Вот умора, возвращаться он собрался.

Не обращая внимания на кривляния Старика, я легко подхватил огромный рюкзак и, разматывая верёвку, начал медленно спускаться в карст. А Старик, лихо отталкиваясь от скальных выступов, помчался вниз гигантскими прыжками. Чем-то он напоминал Человека-паука и Супермена одновременно. Только развевающегося плаща не хватало. Я же, неспешно разматывая верёвку, спускался всё глубже и глубже, пока не очутился в царстве марсианского карста.

Фиолетовый мох чудовищно красивыми потёками устилал своды и стены пещеры. Он был отвратителен, как лиловые кишки на бойне и в то же время невероятно прекрасен совершенством чуждой, неземной эстетики. Он струился повсюду, заполнял галереи и анфилады, громоздился причудливыми наростами. И в хаосе этих переплетений чувствовалась неведомая человеку закономерность, логическая упорядоченность. Но это была непостижимая, шизоидная логика.

Я спускался вслед за Стариком, восторженно любуясь марсианскими чудесами, мне было страшно и вместе с тем я испытывал бурлящий восторг, эйфорию от увиденного. Ещё немного и появились первые марсиане. Я видел их раньше только на фотографиях и видеозаписях, и теперь мне стало понятно, что никакое изображение не в силах передать томную грацию и утончённое изящество этих существ. Как и следовало ожидать, марсиане не обращали на меня никакого внимания. Спуск закончился в гигантском гроте, из которого во все стороны уходили катакомбы, освещённые слабым фосфорицированием фиолетового мха. Отбросив верёвку, я огляделся.

– Уже скоро, друг мой, уже скоро, – несколько печально, как мне показалось, произнёс Старик. – Ты уже можешь снять скафандр.

Я лишь откинул защитный щиток шлема и двинулся вслед за Стариком по одному из коридоров. Морозный воздух карста пах клубникой. В ушах снова тихонько зазвучала симфоническая музыка, и я тряхнул головой, отгоняя морок.

– Вот мы и пришли, – Старик устало присел на корточки, отломил от стены кусочек мха, засунул в рот и стал жевать.

– Где мы? – спросил я.

– Ты в гостях, а я дома, – как обычно туманно ответил Старик.

– Позови кого-нибудь из них, – попросил я, указывая на группу марсиан неподалёку.

– Они подойдут сами, – сказал Старик. – Если захотят.

– Но мне надо взять у них образцы крови, слюны, – сказал я.

– Говна тебе не надо? – спросил Старик.

– Мне надо установить контакт, – терпеливо объяснил я.

– Ага. Тут уже приходили до тебя. До сих пор устанавливают.

– У них есть кто-нибудь главный?

– Скоро узнаешь, – пообещал Старик.

Тогда я скинул рюкзак, развернул экспресс-лабораторию и взял на анализ фрагмент фиолетового мха. В конце концов, именно для этого я сюда забрался – исследовать. И по возможности установить с марсианами подобие дипломатических отношений. И я их установлю, чего бы мне это не стоило.

А где-то вдалеке снова зазвучала музыка, только теперь это был древний блатняк. Я даже разбирал слова. Что-то про загубленную молодость и поседевшие волосы. Незаметно для себя я начал подпевать: «Приморили гады, приморили...» В воздухе ощутимо запахло табачным дымом и каким-то кабацким угаром.

Вскоре экспресс-лаборатория выдала результат. Состав фиолетового мха, как и предполагалось, содержал все необходимые элементы полноценного питания. Белок, углеводы, аминокислоты. Маловато жиров и избыток клетчатки, но это не смертельно. Вполне сбалансированная жрачка. Мог ли такой вид флоры возникнуть естественным путём? Очень сомнительно.

Тем временем марсиане, наконец, удостоили меня своим вниманием. Незаметно ко мне приблизилась... самка? Язык не поворачивался назвать её женщиной. Особь женского пола. Она широко расставила ноги, немного присела и выставила лобок. Намерения марсианки были совершенно очевидны, но я с ужасом узнал в прекрасных чертах её лица образ Лизы Копаловой, археолога из пропавшей экспедиции. У Лизы была татуировка на пояснице, это я хорошо помнил. Желая подтвердить подозрение, я осторожно взял марсианку за плечи и повернул её

спиной к себе. Марсианка неверно поняла мои намерения и элегантно встала раком. И тогда я увидел едва различимый под новой кожей рисунок смешного дракончика. Раньше он так трогательно дёргал крылышками, когда Лиза двигала ягодицами.

– Давай, сопляк, не теряйся! – подбодрил меня Старик. – Не пожалеешь, гарантирую.

Я снова положил руку на плечо марсианки и спросил шёпотом:

– Лиза, ты узнаешь меня? Лиза!

Ни малейшей эмоции не блеснуло в её глазах. Ни сожаления, ни разочарования, ни негодования. Ничего. Она просто плавно встала и не спеша удалилась в сторону сородичей. Это была не Лиза, мне показалось.

– Вот ты лопух, – сказал Старик. – Что там анализы твои показывают?

– Показывают, можно есть.

– Вот кто бы сомневался. Это же амброзия. И отнюдь не фигурально выражаясь. Возьми, попробуй. Я уже два года только это и хаваю. Сможешь без скафандра на поверхности ходить. И много разных других бонусов.

Он разговаривал намного осмысленнее и вид у него стал деловой, подтянутый. Старик отколупнул от стены и протянул мне кусочек мха. Я понюхал. Пахло отварной говядиной, свежим хлебом и яблоками одновременно. Я откусил. Было вкусно. Очень вкусно, но мгновенно скрутило живот, так что я кое-как успел стянуть с себя скафандр и отбежать в закуток пещеры. Когда я вернулся, Старик снова ржал как ненормальный.

– Это да, с непривычки непременно обдрищешься, но потом всё нормально будет, на обычную пайку уже и не потянет. Метаболизм очень быстро меняется.

– Что ж ты тогда мои конфеты жрал? – спросил я. Мне хотелось убить его.

– Из вежливости, – отрезал Старик. – Я научился этому у марсиан. Предельная корректность и невмешательство. Ты же видишь.

Я видел. Марсиане по-прежнему оставались воплощением корректности и невмешательства. Собравшись небольшими кучками, они поглядывали на то, как мы орём и машем руками, но весьма, весьма отстранённо. Их ничего не волновало. Ну, падлы, я вам покажу корректность! Я подскочил к ближайшему марсианину и со всей дури вмазал ему по смазливой роже. Прямо по носику его аккуратненькому. И по зубам. И в ухо ему, скотине! И ничего не произошло.

Я шипел от боли в разбитых костяшках, а марсианин безмятежно хлюпал кровавыми соплями, даже не пытаясь отойти от меня.

– Вот ты ему по башке настучал, – раздался голос Старика, – а на Земле сейчас где-нибудь землетрясение происходит.

– Что? – удивился я.

– Задолбал ты, – сказал старик и принялся сдирать куски фиолетового мха с ближайшего сталагмита. Он расковыривал внутренности карста как пёс лисью нору и бормотал себе под нос: «Ну, что поделаешь, совсем тупой попался. Я его и так и эдак – нет, не доходит до человека».

– Смотри! – крикнул старик.

И я увидел Эйфелеву башню. Маленькую. Модель.

– Очень интересно, – сказал я. – Откуда это здесь?

Старик засмеялся и, продолжал ковыряться в глубинах фиолетового мха, выживая Статую Свободы, Пирамиду Хеопса, Мавзолей Тадж-Махал... Наконец, он запыхался и, устало отдуваясь, произнёс:

– Это сектор, отвечающий за архитектуру. Если пройти дальше мы найдём сектор с оружием, от копья до атомной бомбы, сектор с транспортом, от телеги до пассажирского лайнера, финансовый сектор, где будут платёжные средства от оболов до кредиток. И так далее. Понял?

– Нет.

– Весь карст, – назидательно произнёс Старик, – это как бы проектор, модулятор реальности. Всё происходящее на Земле сперва придумывается марсианами, их коллективным разумом. Материализуется и тестируется. А потом с помощью карста, который является гигантским резонатором и фиолетового мха, который также частично разумен, проецируется на Землю. Марсиане прекрасные выдумщики, они разрабатывают сценарии, изобретают религии, провоцируют войны и стимулируют научный прогресс, они следят за модой, кулинарией, искусством и философскими доктринами. Это у них только вид такой – скучающий. На самом деле они постоянно что-нибудь выдумывают. Для этого им созданы все условия.

– Кем?

– Вот ты и задал главный вопрос. Как же долго пришлось этого добиваться! А ты всё не слушал, не понимал. Но ты хотя бы чувствовал. Спасибо тебе за это.

– Да не за что, – сказал я.

– Я очень устал и теперь ухожу, – продолжал Старик. – А ты сменишь меня. Я это заслужил.

– Ты не ответил. Если марсиане сценаристы, кто показывает кино? Кто тут режиссёр?

Но Старик уже не слышал меня. Его фигура и черты лица начали стремительно изменяться. Одежда истлела и осыпалась прахом на каменный пол, и вот передо мной уже стоял не Старик, а обычный марсианин. Высокий, красивый, равнодушный.

Делать здесь мне было больше нечего, и я собрался уходить. Тут-то мне и пришёл конец. Мои эмпатические способности всё же доконали меня. Я почувствовал, я очень остро, на грани физической боли ощутил, как марсианам не хочется со мной расставаться. Каким для них будет горем моё отсутствие. Как они жаждут, чтобы я остался здесь, с ними, навсегда... Невероятным усилием воли я заставил себя надеть рюкзак и двинуться к выходу из карста. Ноги не слушались меня, всё плыло перед глазами, но я упорно, шаг за шагом, продвигался вперёд.

– Ну и куда ты собрался? – сварливо спросили меня.

Голос звучал в моей голове и принадлежал, скорее всего, подростку.

– Кто это? – спросил я.

– Кто, кто... конь в пальто! – ответили мне басом и захохотали.

Трясущимися руками я полез в рюкзак за аптечкой, но мне сказали:

– Нет, ты не свихнулся, таблетки тебе не нужны.

– Вы те, кто устроил так, чтобы марсиане ни в чём не нуждались, – понял я.

– Тех, кого ты называешь «марсиане» нужны нам как биологические носители генетической информации. Тот, кого ты называешь «Старик» был нужен нам для связи с такими как ты. Ты нам нужен, чтобы с тобой играть, – сказали мне.

– Вы боги? – спросил я.

Последовала долгая пауза и теперь уже женский голос зазвучал в моей голове:

– Мы смеялись над твоим предположением. Мы не ошиблись в выборе. Ты забавный.

– Вы не ответили!

– Боги ли мы? Нет. И мы не знаем, есть ли бог вообще и кто автор мироздания. Но мы так давно играем с разумными, что уже стали для них чем-то вроде богов.

– Много ли разумных вы встретили на своём пути?

– Да. Очень много. Ещё больше создали. Но они быстро надоедают.

– Я могу стать посредником между вами и земным правительством.

От хохота в моей голове мне чуть не разорвало черепную коробку. И тогда тот, кто был Стариком, сказал мне:

– Ты не понял? С человечеством они наигрались, мы им больше не интересны. Иди в Купол. Скажи, что жратвы здесь навалом. Или оставайся здесь. Делай что хочешь. До той поры пока тебе не скажут, что нужно делать.

Я сел на свой раздутый рюкзак и крепко задумался.

Вот значит как. Теперь я буду эмиссаром Игроков, которые через марсиан станут внушать мне свою волю, а я буду пытаться объяснить, что происходит на самом деле и никто не поймёт меня, как никто не понимал Старика, когда он пытался говорить о Содружестве, стараясь эзоповым языком предупредить всех об опасности. Я вернусь в Купол, мне будут благодарны, мне отстегнут премиальных, угроза голода исчезнет, но все мы будем марионетками Игроков. Я искал уязвимое место в логике заигравшихся хозяев, лазейку в их правилах. И мне показалось, что я нашёл. Марсиане. Генетический материал? Я вам покажу генетический материал! Выдернуть из рюкзака промышленный огнемёт было делом одной секунды.

Огненная струя била вдоль тоннеля и марсианам не было спасенья. Впереди тупик, а на выходе я – воплощение бога огня, Локи, Агни и Нуску в одном лице. Каратель и судья, искупление и возмездие. Дикая вопли сотрясали высокие своды пещеры, объятые пламенем корчились изящные тела, и вонь горелого мяса была мне в ноздри. Где-то там догорал тот, кого я звал Стариком. И я почувствовал, что марсиане, погибая в высокотемпературной плазме, были благодарны мне за избавление от вечного служения Игрокам.

Я отключил огнемёт. На зубах скрипела сажа.

– Зачем ты это сделал? – довольно равнодушно спросил голос в моей голове.

– Я буду ломать ваши игрушки, вы останетесь без развлечений, – сказал я. – Если я не могу вас уничтожить, то хотя бы заставлю поскучать.

– Но нам совсем не скучно. Ты прекрасно нас развлекаешь, мы в тебе не ошиблись.

– Вы остались без генетического материала! – крикнул я.

– Ах, это такая мелочь... Лучше спой нам песенку.

– Нет, пусть спляшет!

– Пусть поёт. Вот эту – «Под Ленинском—Кузнецким, есть городок такой, в колонии особого режима». Очень мне нравится!

– Пусть, сволочь, таблицы Брадуса наизусть рассказывает. С выражением.

Голоса в моей голове множились, я уже не различал отдельных реплик, это был шум толпы. Ленивой, сытой, скучающей толпы, как на стадионе перед матчем. Перед захватывающим зрелищем.

Они не оставят меня, это было понятно с самого начала. Сделают личным клоуном, исполнителем их воли, каким был Старик. Меня это не устраивало. Я направил раструб огнемёта на себя и нажал на спуск. Но мой палец жидким киселём растёкся по патрубку, а вслед за ним и рука превратилась в желеобразную массу. Вскоре и всё тело потеряло форму, и я лужей студенистого дерьма растёкся по каменному полу пещеры. У меня не стало глаз, но я всё видел, не стало ушей, но я всё слышал. Фиолетовый мох впитал меня, и теперь я Старик, марсиане, Марс, Солнце, Вселенная и новая игрушка для тех, кто создал всё то, что я есть. Мне подвластно течение времени, и я постиг законы мироздания. Я знаю продолжение игры. Старые игрушки ломают или выбрасывают, их место на помойке. Земля сгорит, с человечеством покончено. Как и с многими цивилизациями до нашей.

Но мне интересно, кто теперь будет их следующей игрушкой. Я подожду. Подожду и непременно придумаю, как игрушкам стать игроками.

Кимберлитовая кикимора

Появившуюся кикимору можно прогнать, ударив её мужскими иштанами... В хлеву для защиты скота от кикиморы под ясли клали заострённую палку, которой закалывали свиней.

Википедия

1

Все космические корабли одинаково прекрасны, все подземные корабли уродливы каждый по-своему. Форма корпуса, обвесы частотных генераторов, схема расположения шнековых движителей – всё это komponуется в зависимости от характеристик грунта, в котором предстоит работать геоходу и без каких—либо уступок требованиям эстетики. Предельная целесообразность, экономичность и эффективность. А внешний вид вообще не колышет. Потому как любоваться на подземные лодки некому. Потому что под землёй. Ну и платят космонавтам значительно больше чем подземникам. Что, конечно, совсем несправедливо.

Поэтому я, быстро закончив нудное тестирование, убрал с монитора изображение нашего «Соляриса», и открыл файл с недельной отчётностью. Хреновая была отчётность. Превышение лимитов по топливу, электричеству, пищевым запасам. В смету мы не укладывались. Значит опять без премии, опять капитан урежет и без того не обильный паёк и добавит по вахте на рыло. Гоните проходку, скажет, дармоеды, ищите алмазы. Но алмазов не было, план горел ко всем чертям.

– Экипажу «Соляриса» собраться в кают-компания, – прошелестел динамик Наташкиным голосом. Очень сексуальным. Но я однажды слышал, как она визжала в бухгалтерии, когда ей сверхурочных недосчитали.

Кают-компанией тесную конуру со столиком на четверых называл только капитан. Ну и мы при нём старались не говорить «кладовка». Он обижался.

– Привет, Наташенька, – сказал я, усаживаясь. – Ты сегодня не только прекрасно выглядишь, но и отменно пахнешь.

– Ой, Пухлик...

Наташка томно закатила глазки, а Урляев сразу набычился. Ревновал, балбес. «Шанелью» от нашей дамы пёрло так, что непременно ей капитан пропиздрон устроит. Я же пока делал вид ароматами оглушённого, красотой сражённого влюблённого юноши. Самое интересное, что Наташенька мне не упиралась. Эта манерная сучка была совершенно не в моём вкусе. Но, чтобы позлить Урляева я при нём всегда на Наташеньку делал стойку и тщательно имитировал гормональный выброс.

Как я и ожидал Маусс сразу взял быка за рога. Или вернее козу за молочную железу:

– Штурман Потехина – три дежурства на камбузе вне очереди, – сказал он, снимая фуражку и упираясь могучими ручищами в хлипкий столик.

Наташенька попыталась издать звук и капитан рявкнул:

– Пoviaкay мне ещё, профурсетка! Я, блядь, кому говорил «никакого парфюма»?! Ты у меня весь перерасход кислорода за сегодня по коммерческой цене оплачивать будешь. Ты у меня вентиляционные фильтры маникюром своим чистить будешь. Благоухать изволишь? Тебя бы, в рот компот, на дизельную подлодку загнать, где матросики под пайолы ссут, с вахты

отлучиться не могут, там бы ты благоухала, там бы тебя раком в акростоль через ватерлинию таранили до седьмого пота.

Наташенька побелела, потом покраснела, а Маусс поправил галстук, величественно сел за стол и совершенно спокойно сказал мне:

– Шкипер, доложите обстановку.

Я и доложил. Доклад мой был краток.

– Обстановка на грани банкротства, – сказал я. – Рублей по двадцать пять каждому в этот месяц набезит.

Маусс посопел сердито и выдал:

– Значит так. Будем забуриваться вглубь. До границы Мохоровичича не полезем, но и по верхам шнырять, смысла больше нет. Пустой участок, бедная порода. Знаю, что опасно, знаю, что против инструкции. Но другого выхода у нас нет.

И поняли все, что решение это он уже давно принял и мнения наши лучше оставить при себе. И ему не хуже нашего известно о неприемлемости использования геоходов класса «Солярис» на больших глубинах. И плевать он на это хотел.

– А теперь давайте обедать, – сказал Маусс. – Что там у нас сегодня? Опять лапша? Ну, давай лапшу.

2

И началась самая увлекательная из охот – охота за богатством под страхом смерти.

Я сутками сидел за управлением, пайку мне прямо в рубку приносили. Но из-за недосяпа жрать не тянуло, один чифирь хлебал. Шуровали мы три метра в секунду, спиралью набирая глубину в границах нашего участка. По правилам надо было меняться каждые двенадцать часов, но на таких скоростях лучше меня с бандурой «Соляриса» никто бы не управился. Наташенька скидывала мне на комп проложенный маршрут и вертелась на камбузе, Маусс пропадал у себя в каюте, хрен его знает, дрючил может, а вот Урляева капитан, к моей вящей радости, назначил бессменно драить гальюн.

И все ждали, когда скорлупу «Соляриса» раздавит километрами горных пород у нас над головой. Чёртову кучи энергии приходилось отводить на охлаждение, реактор не справлялся, скорость падала и вся затея теряла смысл. Мы рисковали завязнуть на глубине, и тогда придётся заказывать аварийную телепортацию. И тогда рассчитывать с нашими кредитами мы будем на социальных работах. До пенсии. Но это при условии, что ещё раньше корпус лодки не схлопнется давлением.

Надо было остановиться, как следует зарядить аккумуляторы и выжечь промежуточный купол над геоходом. Поэтому я застопорил ход, перевёл всю энергию на охлаждение корпуса и с наслаждением потянулся. Сразу же по сетевой болталке прилетело сообщение от капитана: «Почему стоим?». Я на секунду задумался и отстучал: «Профилактика частотных контуров». И сразу услышал топот в коридоре.

– Какая в жопу профилактика, Паскаль? – спросил Маусс, вваливаясь в рубку. – А ну вперёд!

От него сильно шибало перегаром, узел галстука был распушен и стало понятно, чем занимался капитан последние пару дней.

– Юрий Генрихович, я уже два дня Богу не молился, не правильно это, – пошёл я в наступление, сбивая с капитана спесь.

– Богу не молился? – пришёл в замешательство Маусс. – Ах, как не хорошо. Что же ты, Боря? Сходи, я тебе не препятствую. Тебя боцман подменит.

Вот так. Ещё бы ты препятствовал. Если Конфессиально-Гносеологическая Безопасность прознает о неотправлении культа на рабочем месте – виновному до двух лет. Но сильно борзеть я не собирался, мне деньги нужны, а не почётная грамота от епархии.

– Я, Юрий Генрихович, плазму активировал, – говорю. – Пока купол выжигается, я и сбегаю быстренько. А потом наружу можно будет выйти, образцов набрать, пробы на биологическую активность.

Понимает отлично капитан, что все пробы и образцы можно не выходя из лодки набрать, но кивает важно, одобряет. Вот и ладушки. Побрёл я в молельню, спотыкаясь, в коридоре издевательски подмигнул Сашке Урляеву, он как раз коврик там пылесосил. Сашка пылесос бросил, кулаки сжал, но я же не дурак с боксёром драться. Сказал только:

– Топай в рубку, боцман. Тебе капитан с перепою решил управление доверить, – и прошмыгнул в молельню, заперся, да и свернулся пухлым калачиком на узкой лавке прямо под иконой Единого Бога.

3

Лучше всего спать там, откуда некуда падать. Это я понял, свалившись с лавки всеми своими ста десятью килограммами и треснувшись башкой об алтарь. Во сне я видел незнакомую девушку с распущенными волосами и в позолоченном скафандре. К деньгам сие или к убыткам? Я потянулся и вышел в коридор. Сильно пахло жареной селёдкой, Наташенька решила устроить рыбный день.

В рубке на экране сканера внешнего обзора светились три зелёные отметки, коллеги ушли на прогулку без меня. Я врубил канал связи.

– ... такое количество самоцветов. Гранаты, рубины, сапфиры!

– Плазма, высокое давление, вот тебе и самоцветы.

– ... какая-то дыра, смотрите, – это Наташенька.

– Карст, капитан! – голос Урляева вибрирует, разволновался боцман.

– Что за чушь? Не может быть на такой глубине, – капитан как всегда категоричен.

Наташенька: «Точно, карст. И огромный. Луч фонаря теряется».

Урляев: «Ништяк! От Академии Научной Теологии может премию дадут».

Маусс: «Команда, блядь. Сказано кимберлит искать, они за каким-то хером карст находят. Как бы нам тут на кикимор не нарваться».

Капитан любил рассуждать о кикиморах. Это его экспедиция в семьдесят седьмом открыла «терроформированный биологический вид».

Наташенька: «А почему вы назвал их кикиморами?».

Маусс: «Я не знаю. Кто-то сдуру ляпнул и вот прижилось».

Я отключил связь и пошёл на камбуз, жрать хотелось катастрофически. Подумал, что обнаружить кикимор было бы как раз неплохо, обычно их поселения располагаются у основания кимберлитовых трубок.

Когда я зашёл в камбуз, на меня сразу накинута гигантская селёдка. Размером она была с акулу, а из распластанного брюха у неё вываливались омерзительные потроха. На этих сизых кишках, белёсых молоках, расползающихся фиолетовых жабрах чудовище скользило по кафельному полу и тянуло ко мне смердящую пасть с миллионом загнутых зубов. С чавка-

ющим звуком тварь дёрнулась на собственных внутренностях, я вылетел в коридор и побежал, путаясь ногами в ковровой дорожке, которую давеча столь тщательно пылесосил Урляев.

Сказать, что я перепугался, так это ничего не сказать. Волосы натурально дыбом встали. И не только на голове. Я не помню, как оказался в молельне и опаньки – уже Святому Владимиру Обручеву свечку ставлю. И руки у меня трясутся. Весь трясусь, ни одной молитвы вспомнить не могу. Тут мне сзади Наташенька руку на плечо нежно так положила, по голове погладила. Сразу хорошо мне стало, спокойно. Повернулся – а это не Наташка. Девка это из сна, но без скафандра, даже совсем наоборот, совершенно голая. И рот у неё сильно большой, непропорциональный и зрачки без радужки. Худая, плоская, костлявая. Да это же кикимора!

– Ну, пусечка, – сказала кикимора, – ну, что ты так перепугался, лапочка?

– Ты как в лодке оказалась? – спросил я. Зубы у меня уже не стучали.

– Ты про телепортацию не слышал что ли? – удивилась кикимора.

– Слышал немного, – сказал я, и во рту стало сухо. Технология телепортации строжайше засекречена и применение гражданским населением пространственных переходов жёстко лимитировано и регламентировано. А культура кикимор вообще считается не технологической, а психокинетической.

– Да успокойся ты, – кикимора снова попыталась дотронуться до меня, но я отпрянул. – Я же тебя готовила, во сне специально приснилась. Не узнал?

Она тряхнула гривой роскошных волос, кокетливо улыбнулась и встала в позу манекенщицы из глянцевого журнала, которыми у Сашки Урляева вся каюта завалена. Нет, красавицей кикимору не назвать, но была она очень сексуальна.

– Тебя же Боря зовут? – спросила кикимора.

– Ага, – ответил я. Кикимора мне нравилась, и я с трудом сдерживался, чтобы не рассматривать её слишком уж откровенно. – Боря Паскаль.

– А я Маша.

– Так-таки и Маша?

– Ну, моё настоящее имя ты всё равно не произнесёшь, даже не услышишь. Мы, *люди тени*, на ультразвуке общаемся.

– А по-русски разговаривать, где так наблатыкалась?

– Меня специально готовили.

– К чему?

– К диверсионно-подрывной деятельности.

Мне становилось всё интересней, но похоть наваливалась горячей волной, мешала сообщать.

– И кого ты подрывать собираешься? – спросил я, но мне это было уже как-то и не интересно.

– А кого прикажут. Мы слишком долго жили в тени, пора бабахнуть.

– Маша, а галлюцинацию с рыбой тоже ты навела? Зачем?

– Это не я, – насупилась Маша. – Я совсем наоборот, блок поставила, а то бы у тебя и твоих друзей уже от глюков крыша поехала. Пойдем к тебе в каюту, ты меня допросишь, и я тебе всё-всё расскажу.

Мы пошли в каюту, и я её допросил три раза подряд, не считая минета. И она мне всё рассказала.

4

– Короче, получается, Маша у нас политического убежища просит, – сказал я, подводя итог.

Экипаж «Соляриса» сидел за столом в кают-компании и пиялился на кикимору. Они только что сняли скафандры и собирались сортировать образцы минералов, которые набрали под куполом, а тут я с Машей. В моей джинсовой рубашке и волосами, собранными на затылке в «конский хвост», она была неотразима.

– То есть, она типа Мата Хари, – брякнул Урляев. – Решила нам своих же продать.

– Она типа Колобка, – сказала Наташенька. Кикимора ей явно не нравилась.

– Я никого не продаю! – возмутилась Маша. – Вы сами запёрлись на территорию моего народа, старейшины приказали страже мозги вам выжечь, а я блок поставила. Меня теперь сильно накажут.

– А с чего ты добрая такая? – спросил Маусс.

– У меня свой интерес.

– А с чего ты откровенная такая?

– *Люди тени* не могут лгать, – сказала Маша.

– И в чём твой интерес?

– У нас война с людьми... – она произнесла что-то на пределе слышимости, но у нас заложено уши. – Ну, с другим племенем. Мы проигрываем, а наш род старше и лишь мы достойны греть разум в тепле дыхания Матери Недр. Дайте нам оружие, мы победим, а вы спокойно уйдёте. А меня не накажут.

– Им нужны частотные генераторы, – пояснил я. – Они с их помощью смогут провести ментальную атаку на своих противников.

– А мы сможем? – быстро спросил Маусс. – Провести атаку.

– Сможете, – сказала Маша. – Но я не скажу, какие для этого нужны частотные характеристики.

– И где нам поблизости алмазами разжиться, тоже не скажешь?

Маша энергично отрицательно помотала головой, и «конский хвост» хлестнул по её хрупким плечам.

– Нельзя вам здесь ничем разживаться, – сказала она. – Сунетесь дальше – конец вам, даже я не помогу.

– Мы посоветуемся с коллективом и вынесем решение, – утробно произнёс Маусс.

Вот это мне не понравилось. Он должен был крыть матом, грохать кулаками по столу и брызгать слюной. Должен был торговаться, требовать алмазы в обмен на генераторы. Требовать беспрепятственный проход по маршруту экспедиции Центрального Геологического Управления Академии Научной Теологии. Потому что вообще на наших глазах создавался прецедент – никогда ещё кикиморы не вмешивались в работу геологов. Вместо этого капитан попросту выпроваживал нас с Машей из кладовки. Что-то нехорошее задумал Маусс.

– Пойдём отсюда, Маша, – сказал я. – Никто тебе здесь не поможет.

Мы вернулись ко мне в каюту, и я сразу начал стягивать с кикиморы рубашку, но она вырвалась и строго сказала:

– Не сейчас.

- А когда?
- Как только ты добудешь оружие для моего народа.
- Но ты пойми, не могу же я с геохода промышленные генераторы снять.
- А ты придумай что-нибудь, – капризно сказала Маша. – Нам очень нужны эти излучатели, очень. На тебя вся надежда. Я тебя специально выбрала.
- Да? А почему именно меня? Не капитана, не Урляева, не Наташку, в конце концов, а именно меня?
- Ты самый красивый, – застенчиво сказала Маша.
- Скажешь тоже, – совершенно искренне возмутился я. Красавцем я себя никогда не считал. Умный – это про меня, да. Мужественный, конечно. Специалист классный. Но уж точно не красавец.
- Но кикимора сказала:
- Ты же толстый.
- Ну и что? – обиделся я.
- Значит ты добрый, – как тупому пояснила Маша. Как будто это было нечто само собой разумеющееся.
- Погоди, что-то я запутался. Добрый потому что красивый или добрый, потому что толстый?
- Толстый значит красивый, красивый значит добрый.

Мне всё стало понятно.

- Ну, предположим, – сказал я. – Но чем я смогу тебе помочь, всё равно ума не приложу.
- В обмен на алмазы твой командир согласится отдать нам излучатели?
- А сколько алмазов? – как можно равнодушнее спросил я.
- Мешок. Большой мешок. Вот такой.
- Лучше бы конечно месторождение, но и мешок сгодится.
- Тогда пойдём со мной, к нам. Ты на алтаре Матери Недр поклянёшься, что не обманешь.

Принести клятву языческому идолу за всего лишь безбедную старость?! Да легко. Уже в кессоне, натягивая скафандр, я спросил:

- Маша, а ты-то как у нас без скафандра обходишься? Ведь для тебя атмосфера «Соляриса» как для меня открытый космос.
- У нас скафандров не бывает. Меня закрывает... ну, типа энергетическое поле.

Мне снова всё стало понятно. Типа.

5

Когда мы пролезли в дыру, обнаруженную Наташенькой, то оказались под куполом гораздо большим, чем грот, выжженный плазмой «Соляриса». Это было гигантское пространство ограниченное сверху хрустальным сводом, и даже через шлем скафандра я слышал мелодичный небесный звон. Густой воздух сложился радугой, переливался оттенками красного. Мы шли не спеша к источнику мягкого багрового сияния в центре этого волшебного места.

– Это алтарь Матери Недр, – сказала Маша, указывая на мерцающее пирамидальное возвышение из розового алмаза. – А это пастбища *людей тени*.

Маша повела рукой, обводя бескрайние поля бледно-багровой травы, на которых паслись стада рыжих слепых коров. Линия горизонта загибалась к хрустальному своду и терялась в розовой дымке. Постукивала водяная мельница на ручье из жидкого олова. Курилась

дымком небольшая кузница. Жужжали медные пчелы, собирая янтарный мёд. Неподалёку гончар шустро разминал свинцовый ком. Жнецы вязали снопы рубиновых злаков, пастухи дудели в асбестовые флейты и пощёлкивали бичами, доярки гремели слюдяными ведрами, дети выстраивались в очередь за парным молоком.

– Молоко, творог и сыр. Мёд. Немного пшеницы, – сказала Маша. – Это наша основная еда. Всегда её не хватало, теперь совсем стало мало, поэтому война за пастбища.

– Точно как у нас, – ответил я. – Просто вместо молока счёт в банке, а вместо войны доносы в КоГноБез.

А к нам уже топала по красноватой травке делегация кикимор. Или кикиморов? Короче, кикиморских мужиков. Голые, худющие, писк тонкие болтаются. Умора, одним словом. Первый кикимор подойдя, поднял в приветствии тощую руку. Другие остановились поодаль, настроенно посматривая.

– Это Вася, – представила Маша. – Наш Верховный Стратег.

– Боря, – сказал я и тоже помахал ручкой. – Очень приятно.

Но Вася, не обращая на меня внимания, сразу зашептал на ухо Маше что-то едва слышное, шипящее и булькающее.

– Меня хотят казнить, – сказала Маша.

– Чего ж сразу и казнить? – удивился я. Строго тут у них оказывается.

– Да твой визит ещё на меня повесить решили, а это по совокупности – кирдык! Но Вася мне поможет, потянет время.

– Почему?

– Он же умный, стратег. Он понимает, что победа на войне важнее наказания одной еретички.

– А я подумал, он тебя любит.

– Ну, – смутилась Маша, – мы единомышленники.

К нам тем временем приблизился ещё один кикимор, постарше, с козлиной бородкой и дикарскими татуировками по всему телу. Земляне себя так в двадцать первом веке уродовали. Начал этот бородач на Васю наезжать, даже за руку схватил. Бормотал по-ихнему, по-кикиморски, но и без перевода было понятно, что не одобряет он меня, Машу и Васино с Машей сюсюканье.

– Коля, самый главный у нас, – пояснила Маша. – Типа генеральный директор акционерного общества. Очень строгий.

– И контрольный пакет акций у него? – спросил я.

– У него, – вздохнула Маша.

– Видно, что ушлый, – сказал я.

Коля между тем продолжал чего-то сердито шипеть, руками размахивать, Вася пытался возражать, а я украдкой озирался.

Свободные от дискуссии кикиморы на нас внимания почти не обращали, занимались своими делами. Жали, сеяли, возделывали в поте лица своего. Двигались степенно, без суеты,

детвора не шалила, бабы не скандалили, пьяных было не видеть. Складывалось впечатление благолепия и гармонии.

– Расклад такой, – снова заговорила Маша. – Меня казнить не будут, пока ты оборудование не предоставишь. Твоим друзьям временно ничего не будет, но уйти не смогут, путь вашей лодке стражей везде перекрыт. Тебе большой мешок алмазов будет, как я обещала. Давай скорей на алтаре клянись, что генераторы припрёшь.

И тут Коля сам ко мне обратился:

– Клянись, чито нэ обманьш. Своим богом клянись ы Матырью нэдров тоже поклянись. А эсли обманэш, пилядь буду и над зымлёй тыба найду ы показню.

Ну, поклялся я, короче. А что было делать?

7

Когда я вернулся, мои друзья устанавливали вокруг «Соляриса» фугасные заряды.

– На всякий случай, – жёстко сказал Маусс.

– Очень своевременная предосторожность, – одобрил я.

– Ты где был? – подозрительно спросил Урляев.

– Гулять ходил, – ответил я.

– А где кикимора? – спросила Наташенька.

– В каюте у меня сидит, – зачем-то соврал я.

Экипаж закончил работу и отправился ужинать, селёдку с лапшой доедать, а я полез в Сеть, выискивая всю имеющуюся информацию о кикиморах. Её было мало. Первое поселение обнаружил Маусс, случайно, в ходе обычной проходки на предмет касситерита. От предложения разместить у них нашу миссию кикиморы уклонились, от культурного обмена отказались категорически. Этнографическую экспедицию не пустили на порог. Выражали протест по поводу работы подземных лодок в ареале обитания. Да кто же их, низкотехнологичных, слушать будет? И тут я наткнулся на забавный текст за авторством некоего Ораториева.

Ораториев, как выяснилось, являлся фигурой знаковой, для некоторых был кумиром, для большинства – эдаким интеллектуальным скоморохом. Его эссе «Нужны ли они им?», «Догонит ли улитка черепаху?» и «Обречены ли города на геостационарной орбите?» стали культовыми в определённых кругах. Имел статус легального диссидента, регулярно выплачивал штраф за антирелигиозные высказывания в публичных местах, пропагандировал эвтанию. Наверняка был сексотом КоГнюБеца, ну а кто им не был в наше время?

Тезисы его меморандума сводились к необходимости самого пристально внимания к проблеме изучения кикимор. Он ратовал за скорейшее установление дипломатических и культурных связей, торговых отношений и глобального внедрения агентуры. После этого перешёл к неожиданному выводу о неизбежности войны с кикиморами, а после и вовсе призывал к тотальному геноциду. Собственно его сочинение и называлось: «Мы их или они нас?».

В дверь каюты постучали. Странно, капитан обычно вламывался без стука, Наташенька тихонько скребла ногтями, если навевывалась с визитом, а Урляев ко мне не заходил. Я открыл. На пороге в полном составе застыл экипаж «Соляриса». Маусс держал в руке пистолет, а Урляев сжимал разделочный нож. Наташенька изящно придерживала на плече бухту полимерного буксировочного троса.

– Где твоя красавица? – спросил Сашка.

- Вы что задумали? – ответил я вопросом, шагнув назад.
- Не психуй, Пухлик, – проворковала Наташенька. – Мы её не больно зарежем.
- Шли бы вы карстом, – сказал я.
- А с чего ты так завёлся? Она же не человек и даже не животное. Не поймёшь чё! За неё срок не дадут, а бабла срубим немеряно, все кредиты закроем, – сказал Урляев.
- Ты представляешь, сколько за её потроха Анатомический Музей отвалит? – сказал Маусс.
- Да вы, друзья, охуели, – сказал я и захлопнул дверь каюты.

Я заклинил замок, для верности привалил дверь ящичками с образцами и заказал экстренную аварийную телепортацию.

8

Ораториев потчевал меня чёрной икрой, какими—то хитрыми тефтелями, жульеном из марсианских грибов и красным чаем с натуральным мёдом. Нехило живут легальные диссиденты. Мёд нынче двадцать пять рублей кило, а про грибы я даже не знаю, где и за какие деньги их купить можно.

- Так вы прочитали мою статью? – спросил Ораториев.
- Да. Мне показалось, что вы единственный кто уделяет проблеме кикимор должное внимание.
- Я предпочитаю называть их *люди тени*. Как они сами себя называют.

Он смотрел на меня чуть насмешливо, говорил уважительно и ждал когда я уйду. Надо было его как-то зацепить, и я попробовал:

- Странно с ними всё.
- Что странно?
- Ну, человечество готовилось к встрече с инопланетянами. Искало инопланетян и боялось инопланетян. Написали кучу книжек и наснимали кучу фильмов. А разумная жизнь обнаружилась в недрах планеты. Новая раса, самобытная культура, использующая психокинетику и экстрасенсорику. И всем по фигуре!
- Вы зрите в корень, мой юный друг! – высокопарно воскликнул Ораториев и я подумал, что он всё же на редкость неприятный тип. – Феноменальное равнодушие нашей цивилизации само по себе заслуживает отдельного исследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.